

18+

ВЯЧЕСЛАВ КИКТЕНКО

ГОРОД

Вячеслав Киктенко

Город

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63177213

ISBN 9785005176851

Аннотация

Книга стихов, перемежённых газетными и архивными выписками о прекрасном городе Алма-Ата. Бывшая крепость «Верный». Приграничные города верой и правдой крепили Державу, пока не были преданы сверху. Но город выжил. Растёт, хорошеет. Русские люди, наряду с коренным населением, любят и строят его. Один из великих алмаатинцев, художник Сергей Калмыков, видел, ощущал, рисовал его: «Насторожившись по-олены, Он угадал в Алма-Ате Вот это горнее стремленье Души и Корня – к Высоте» Часть стихотворений можно найти в сборнике автора «Предместье».

Содержание

Вячеслав Киктенко книга Город	5
-----	5
— — — — — ГОРОД	
ГЕРБ	15
ФЕВРАЛЬ	17
ВЕСНА В АЛМА-АТЕ	18
ДВЕ ТРАВЫ	19
ЗЕМЛЯ	20
РАЗЛУКА	32
АЯК-КАЛКАН*	33
ГОРА	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Город Вячеслав Киктенко

© Вячеслав Киктенко, 2020

ISBN 978-5-0051-7685-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вячеслав Киктенко книга Город

ГОРОД ПРОЛОГ

«Осмотрев с инженер-поручиком Александровским первые и вторые Алматы и долину между ними, мы нашли их по удобству далеко превосходящими урочища на Иссые и Талгаре, почему и предположили Алматы – местом будущего поселения...»

(Из донесения майора Перемышльского Западно-Сибирскому генерал-губернатору по поводу основания крепости Верное. 1853г.)

Старый крот* ли порылся в окалинах

И аукнулось прошлое здесь?..

Так, на Сакских военных развалинах

Встала Крепость – развалины днесь.

Так земля, благодатная исстари

Хлебопахатному ремеслу,

Стала пастбищем...

Зернышки вызрели,

А потом превратились в золу...

(«Старый крот» – так иногда называют Историю.)

Семиречье. 1263 г.

Воин Арик Бука,
ты пришел на Или
поделить эту землю насильно,
Ты пришел, поделил,
и когда под Кульджою
последние стихли бои,
Пред тобой распахнул этот край,
жгучим солнцем вспоенный обильно,
Хлебородные,
древние нивы свои.
Не слезая с седла,
ты поля оглядел,
ты промолвил бойцам ободренным:
«Будет корм лошадям
до скончанья бессолнечных дней!
Холить совесть свою,
хлеб растить —
мы оставим в удел покоренным,
Дабы нам – победителям, воинам —
было чем холить коней,
наших верных коней...»
Что трава на лугах,
если колос тугой
от налившихся зерен кренится,

Если хлебу,
политому потом,
теперь закрома не нужны?..
И хрустели на конских зубах
золотые и жаркие
зерна пшеницы,
И блестели,
тучнея на солнце,
золотые твои табуны.
Воин Арик Бука,
ты был ВОЖДЬ,
ты был Могулистана владыка,
Ты ценил лошадей,
ты про совесть и прочую дикость
красно изрекал,
Ты узнал,
ты познал, что и Конь и Зерно —
это равновелико,
Как невежество губит – изведаль,
ты в новый набег ускакал.
Бог судья! – Уважение, совесть...
в бою
отыщи-ка такое во встречном,
Не в судьбе, а в седле
равновесье
нам вменило законы свои!..

...отчего ж по весне
на подножном корму,

на извечном
Пали кони твои,
пали верные кони твои?

Зернышком,
пущенным в рост,
Центром столицы
Были:
древний форпост
И станицы —
Малая и Большая.

Что он думал, решая
Первый кольшечек вбить
На развалинах крепости?
Здорово
Думал он,
тот майор,
Про которого
Так легко мы успели забыть..

А ведь мыслил он правильно, верно,
И расчет его был инженерно
Безупречен —
отличный обзор,
И – река под рукой,
И от гор
Неприятельских —
Вроде, неблизко,

И долина, простертая низко,
Станет Городу – колыбель.
И – на Север дорога отсель...

Город сам себя опередил,
Плечи выпрямил,
Огородил
Сам себя
Каланчами пожарными,
Сам себя заселил
Горожанами
И расползся по речкам, прудам
К заповедным горам и садам,
Сам себя раздвигая по склонам,
По своим —
это Город! —
Законам.

Неподвижны бывают поля,
Неподвижна бывает земля, —
Что посеяно, то и взошло,
Неподвижно бывает Село —
Ну куда от земли убежать?
В ней и злак хоронить,
И по смерти лежать,
Там и песня своя,
Там и правда своя,
И не нужно за ними

В иные края,
В землю вьелось
корнями своими
зело,
Неподвижно стоит
на Планете
Село.
Ну а городу —
что не разгуливать,
Нешто, лавки укарауливать,
Да пожары в полуночной мгле?
Город, он не село,
В нем зерно – Ремесло,
Непривязанный,
Необязанный,
Переваливается по земле,
Куда хочет,
Туда и пойдет,
И растет —
ввысь да вширь —
строят люди —
растет!

В нем и песни иные,
И нравы не те.
Городские романсы
Звучат в темноте,
Отношенья людей не простые,

Объяснения в любви завитые,
И дивятся на Город селенья окрест:
– Ох, нелегкий нести тебе, Городу, крест!..

Да, к городу прилипчивей беда,
В нем напряженной выются судеб нити.
– «Прости, Господь, большие города!» —
Поэт воскликнул в сумрачном наитьи.

Здесь каждый предоставлен сам себе,
И выбирать свой путь по жизни волен,
И словно непричастен той судьбе,
Которой хлебороб и пастырь болен —
Судьбе Земли...

Пересидишь в домах
И лютый летний зной,
И дождь весенний.
Лишь смутно брезжит в городских умах —
То гибель для полей,
Иль их спасенье?

Земля и огорчит,
Но и спасет —
Века народы держит в равновесье!
А Город – он один свой крест несет,
Несет, несет, и не стоит на месте.

Он строится, он городится вновь,
Он сам себя, минуя наущенья,
Толкает, облекая в плоть и кровь
Мерцающие формулы общенья.

Из тысяч нитей, стянутых в струну,
Пронзительную ноту извлекает,
Из тысяч судеб, сложенных в одну,
Единственную летопись слагает.

Ведь Город – это иглы голосов
И лиц, и взглядов – ими он пропорот
И скроен ими,
И – в конце концов —
Из них-то он и возникает – Город,
И движет сам себя.

Неуловим

Его неспешный путь меж гор и речек,
Немудрено, что не управил им
Один, пускай военный, человек —
Ни тот майор, ни этот генерал,
Линейкой улиц вторивший майору,
Ты сам свои дороги избирал,
Мой Город,
Подымающийся в гору!

Звезда Полей
И Города звезда,

Они ведь зажжены – одной душою!..

Я верю,
Что большие города
Спасут себя
Душой своей большою.

Тень-тень, потетень,
Кто на Город бросил тень?
Неужели тот плетень
Из деревни выломан?

А плетня и не видать...

Тем обиднее гадать,
Кто бы это выдумал,
Кто, самим себе назло,
Делит Город и Село —
Жить, мол, в городе темно,
А в селе-то, мол, светло,
Город, мол, прогнил давно,
Там и люди – барахло,
И души там нету...

По секрету
Всему свету:
Что бы ей ни прочили,
Есть у каждого – своя!

Города – сыновья,
А деревни – дочери.
Той, единственной Земли,
Сыновья да дочери.
Мужику – беронить,
Женщине – огонь хранить.
Так и вьется эта нить...

...Сыновья,
Да дочери.

ГЕРБ

Щит, увитый яблоневыми
Ветками и плодами,
Слева – крест, а направо —
Полумесяца тоненький серп.
Только что же, в конце-то концов,
Правит верами и городами? —
Крепость сверху, на мирном щите —
Это города Верного герб...

Неподвижные символы
долго
корнями в глубинах ворочаются,
А когда коченеют, изнашиваются —
снаружи обшивка трещит,
То древесная мощь,
непредписанная пророчествами,
Плодородьем восходит
и рушит
бушующим яблоком
Щит!

Город Алма-Ата! —
наконец
ты стволами скрипя темноликими,
Древний герб этих мест

развернул
к нам исконной своей стороной.

...лишь порой промелькнет
сквозь листву,
убаюканный травами дикими,
На окраине —
в Малой станице —
остаток стены крепостной

ФЕВРАЛЬ

В двенадцатистишие года
Синкопом ворвется Февраль,
Пойдут вечера с небосвода
Пронзая задымленную даль.
Засветится звездная пена
И вызреет звездная гроздь,
И белая, млечная вена,
Протянется в небо, насквозь.
Снежком, по-весеннему лживым,
Запахнет и воздух сырой,
И веток плывущие жилы
Под мокрой и слабой корой.
Здесь кратер туманного цирка,
Где старый насмешник и враль,
Пустой календарною цифрой
Прихрамывающий Февраль,
Приплясывая на панели,
Продует стволы фонарей,
Чтоб парочки осатанели
От мыльных его пузырей.

ВЕСНА В АЛМА-АТЕ

Весна и в город вхожа, но об этом
Как будто и не помнится, а там,
За речкой – там урюк зажгли прозрачным светом
И луч протянут к розовым цветам.
Очнулись горы – медленные крабы,
И задышали синие снега.
Сейчас на город двинутся ухабы
Косого света, хлынут облака,
День вынырнет, раскатится по пыльным,
С горы бегущим в поле тополям,
Звонком трамвая – радостным и сильным
Скорлупку дня расщелкнет пополам.
И не почувствуется в тусклой панораме,
Но вспыхнет, озарит и здесь, в пыли
Предчувствие – весна не за горами,
За речкой, под горами, невдали...

ДВЕ ТРАВЫ

Судьбой Земли и Воздуха
Насущная жива...
А в парке, в зоне отдыха, —
Досужая трава.
Она гуляет в клумбочке
Прелестницей босой,
В зеленой мини- юбочке,
Со стрижечкой косой.
Беда порою вешнею!..
Себя и проклянешь:
И любишь-то – сердешную,
И – к ветренице льнешь.

ЗЕМЛЯ

Земля забывает своих детей,
Земля забывает...
Волчицей
меж звездных
глухих пропастей
Земля завывает.
Крутясь по орбите,
юля дотемна,
За солнцем несется,
А в спину —
хохочет, оскалясь,
Луна,
Луна —
Волчье солнце.
И крутится вечное веретено,
Земля изнывает,
Покуда два солнца —
одно на одно
Не наплывает.
Тогда в темноте умолкает земля,
Все чада земного,
Покуда светило,
лучом шевеля,
Не выплывет снова.
Соитье двух солнц

зачинает в земле
Огонь и брожение,
И – в темной утробе,
в подпочвенной мгле —
Движение, движение.
Земля начинает трясти города,
Станицы волнует.
Ее понимают, живую —
беда
Живых не минует.
Она – в забытьи,
не ответчик она
За горе земное...
Спит солнце,
и воды уводит луна
От темного зноя.
Понурились горы,
Осело жильё —
Она это знает,
Глядит виновато —
Все дети ее!..
...земля вспоминает.

«...Наблюдательный ум человека, его энергия, гений творчества, покоряющий стихийные силы природы, уже теперь вселяют надежду, что стихийная сила землетрясений не страшна грандиозным постройкам человека...»

Архитектор Андрей Павлович Зенков.

«Семиреченские областные ведомости». 1911 г.

Словно столкнуть хотела

Букашку, или шмеля...

Что, инородное тело,

Мой город тебе,

Земля?

Жалко травы осоки?

Горных хребтов кривых?

Что, выбирает соки

Город из кладовых?

Или и впрямь случайно

Жителей потрясла,

Думаешь не печально? —

Город без Ремесла,

Без городского движенья,

Встреч, расставаний, ссор,

Без медленного постиженья

Прилавков,

Предгорий,

Гор?

Казалось бы, требуют малость —

К земле поприжать бока.

А город – приподнимался,

На цыпочки,

В облака!

Словно на выезд визу
Вручали наперебой:
Землетрясение – снизу,
Сверху – ледник голубой,
Мол, откатись в долину,
Ведомо, мол, давно,
Мол, утвердить исполину
Камень не суждено,
Что тебе горные звенья,
Брось ты Сизифов труд,
Упорство твое да терпенье
Гору не перетрут...

«...Если бы строительная техника была бессильна, то вопрос о перенесении города был бы не праздный, а только противный. В настоящем же случае он и противный, и праздный, и смешной...»

(Из ответа А. П. Зенкова на запрос верненских властей о перенесении города к Илийску. 1911 г.)

– Это что ж, мил-друг, за диво
В мусульманских-то местах?
Храм стоит. Да сколь спесиво! —
Православный, при крестах, —
Не Блаженного ли Васьки

Дальний сродственник какой?..
Ишь, размалевали краски
«Окаянную рукой!..
– Э-э, так вы приезжий житель,
Ну, тогда вопрос толков.
Кто возвел?
А наш строитель,
Местный господин Зенков.
С ним, по правде, я не очень,
Но знаком не за глаза,
Рост, скажу вам, между прочим, —
Вас поболе в два раза!..
Ну, да вы сымайте китель,
Чай, с дороги, погляжу,
Хоть недавний тут служитель,
Что умею – обскажу.
Значит так – у нас тут место —
Не удержишь и в вожжах.
Земляное, что ли, тесто
В чреве бродит на дрожжах?
Словом, здесь народец тертый,
Крутануло карусель —
Год пошел, считай, четвертый,
Не очухались досель.
Строим вновь уж не из глины, —
Ненадежный матерьял...
Храм, по росту – самый длинный,
А – единый! – устоял.
Весь, как чурка, деревянный,

Ни гвоздя!

А вот, поди ж,

Пошатался будто пьяный,

Погрозил перстом – шалишь!

Знать, у неба не в опале...

– Значит, можно – в небеса?

Те, в один этаж, упали,

А собор – ну чудеса —

Устоял ведь, окаянный!

Деревянный? Не шутя?

– Деревянный,

Деревянный,

Без единого гвоздя!

– Без единого...

Суметь ли?

Хоть один, да есть, поди,

Вон, хотя б за дверью, в петле...

– Ты меня, слышь, не серди! —

Набредут со всего света,

Ровно ищут дураков...

Уж не ты ли строил это?..

– Я и есть, Андрей Зенков.

Сколь болтов здесь – и примерно

Утверждать, брат, не берусь,

Но основа, это верно, —

Деревянный – накрест – брус.

Уж прости, коль виноватый,

За лукавство не суди, —

Тянет он к себе, проклятый,

Хоть гулять не выходи.
Вот, старею, вероятно,
Только что зазря вздыхать,
Слово доброе приятно
И под старость услышать.
Значит верят, а, приятель? —
Город здесь, а не бивак.
Ну а храм – тому ручатель
И свидетель, как-никак.
Знать – за дело попотели,
Значит – будут этажи.
Дезертировать хотели?
Врешь, почтенный, не спеши,
Впредь же будет неповадно,
Остолопы, дураки!..
Ну а рост мой...
Это ладно,
Были б зданья высоки.

...и «если в единый
планетоворот
втянулось и это:
Кружение сердца,
круженье ума,
кружение света,
И если случайно
затронут одну
из тысячей – нитку,

На стук позабытый
случайно ль в саду
откроют калитку?
И если все звуки – частицы его,
единого Звука,
Случайно ли в сердце откликнется стук
ответного стука?
Все связано в мире,
и сопряжено,
и тягой земною
Пронизано Сердце —
и дрогнет Земля,
и сердце заноеет.
И если отчаявшись,
сердце в груди
заходит кругами,
Прислушайся только —
планета Земля
гудит под ногами.
Она начинает трясти города,
Станицы волнуется,
Ее понимают, живую —
беда
живых не минует.
И ужас,
охватывающий сердца, —
единоутробен,
И что здесь начало —
понять до конца —

никто не способен,
И что здесь причиною —
сердце зашлось?
качнулась планета?
И это в единый планетоворот
Втянулось,
И это...

«...Я не боюсь за наш город, верю в то, что он украсится каменными, бетонными и другими долговечными строениями. При специальном устройстве фундаментов вполне допустима конструкция грандиозных по высоте до 30—40 этажей зданий».

(Архитектор Андрей Павлович Зенков.

«Семиреченские областные ведомости». 1911 г.)

Вот капля светит в облаке...
И капле
Свое воздай,
И звездам на заре,
И птицам, что под облаком озябли,
И облаку,
И камню на горе.

Все это мира маленькие дольки,
Они едины, лишь разобщены,
Они соединяются,
И только

Соединятся – разъединены.

Но ими живы – дерево над кручей,
И эти корни, полные добра,
Как живо море капелькой могучей
И осиянна облаком гора.

Ты здесь живешь,
Ты помнишь роковые
Раскаты недр на слышимой черте —
Приподымались ели вековые
Щетиною на каменном хребте.

Ты здесь живешь,
Ты помнишь продвиженье
Могучих, сытых льдин-материков,
Ты не забыл моренное броженье,
Проваленное в прорубях веков.

Но ясен свет под облаком полдневный,
Пока трамбует в недрах до поры
Весь этот гул корежащийся, гневный,
Гранитное терпение горы.

И эти дольки, капельки – горенье
Задуманного вечностью добра.
Ты им воздай свое благодаренье,
Они хранят твой город до утра.

«Сейсмостойкое здание должно: иметь очень глубокий фундамент, иметь обширные подвалы – подвал должен быть устроен подо всем домом, т. к. он перехватывает сейсмические волны; иметь антисейсмический ров, окольцовывающий здание, который при твердых грунтах может засыпаться землей...»

1911 г. (Из опытов А. П. Зенкова).

Как пришли горожане к Строителю,

От порога поклоны творят:

– Не к строителю – дети к родителю,

Вот пришли до тебя, – говорят.

– Присоветуешь средства хорошего,

Тут уж пилы возьмем, топоры...

Обломало нас, перекорежило,

А твои-то постройки добры.

Труд нелегок, да это помеха ли?

Переехать желают властя.

Не постройки твои – мы б поехали,

Присоветуй, отец, не шутя.

Аль ты ведаешь знанье ученое,

Аль колдун – нам одно к одному —

Место гиблое здесь, злоключенное,

Да привычны уж больно к нему.

Что киргиз, что дунганы с уйгурами,

Что российский мужик – пропадем!

Затрясет ведь опять – кучугурами, *

Все как были, под землю уйдем.
Вот и просим тебя, просим оченно,
(Переехать – немного ума),
Разрешенье уже исхлопчено,
Да тебя почитаем весьма.
Ознакомь с чудодействиями донными,
И Господь – да продлит твои дни!
Мы ж сироты теперь, мы ж бездомные,
Ты нам, батюшка, все разьясни.
На трясенья земные не сетуешь —
Флигелек-от стоит, невредим...
А с отъездом?..
Когда отсоветуешь —
Это мы завсегда погодим...

* Кучугурами в Верном называли захолустные бедняцкие районы.

«При грандиозной высоте он представлял собой очень гибкую конструкцию. Колокольня качалась и гнулась, как вершина высокого дерева, и работала как гибкий брус...»

(А. П. Зенков о кафедральном соборе после землетрясения. 1910 г.)

РАЗЛУКА

Ты там, где под снегом березы обмякли
И ветер совсем не заходит в твой город.
Ты тихо живешь, пишешь письма, не так ли?
Ты пишешь, слова свои тянешь за ворот.
Прощения просишь, наверное, просишь,
От скуки просить его – ты изнываешь.
Насилу допишешь, а в ящик не бросишь,
Озлясь на себя, пополам разрываешь...
Но вот я вернусь... Словно вывернув душу,
Ты письменный вывернешь стол. Часть по части
Обрывки письма соберу, обнаружу
Все то, из чего не сложилось нам счастье.
И снова протянет нам теплую руку
Наш город, где счастье мешалось с половой,
Где мы прописали на зиму разлуку,
Где ящик почтовый, где почерк лиловый...

АЯК-КАЛКАН*

Я слышал однажды поющие горы песчаные,
Я видел змею, что как рыба спала в чешуе,
Я тронул её – она слушала пенье – нещадные
Глаза её медленно перетекли в бытие
И вновь затвердели.
И снова извечная жажда
Заполнила два, размагниченных пеньем, зрачка.
Поющие горы в пустыне под вечер я слышал однажды
И понял, что в мире повсюду от музыки боль и тоска,
Что музыкой в мире налажена тяга взаимная,
Что всё обратится к истоку, когда завывает земля,
Плоть рыбы и птицы, глаза человечьи, змеиные
Сольются, терзаясь и воспоминанья доля
О тех временах, когда вместе, в едином изгибе...
Но музыка в недра уходит, как в почву уходит вода.
Вот пух – это птице. Вот капля солёная – рыбе.
Песчинка – змее. Человеку – песок и звезда.

** Аяк-Калкан – курортное местечко на реке Или в Казахстане.*

Там находятся знаменитые поющие барханы.

ГОРА

Дождь

Отвратительно теплый лил,

Гул

Подозрительно долгий шел,

Вечер

Мучительно БЫЛ.

Словно глумилась природа:

«Зной – вот и лью,

Надоело – и лью...»

Вечер девятый.

Месяц июль.

Ночь двадцать первого года.

Безлунная ночь.

Ночь...

Кто расковал ледяные оковы?

Или в ущелье ухнули совы,

Или дурной, сумасшедший зной

В горах растопил замок ледяной,

Иль, пробудясь, наважденье-слезу

Выкатил молча старик Туюк-Су *

От вековой тоски,

От векового льда...

На город Беда пошла босиком,

На город повеяло холодком,

На город пошла Вода.

*Туюк-Су – ледник. Дословно – «Закованная вода».

(Каз.).

Свадьба пляшет на крыльце

Пьяная, бесстрашная.

Дом плывет по улице

Деревянный, крашенный.

Ни один не призовет

Господа

Всевышнего:

Эка, улица плывет —

Хватанула лишнего!

Сам хозяин – борода

Просит целования...

(Подошла под дом вода —

Снялся с основания).

...Не очухался пока.

Все толкуешь зря ему:

– Где живем?

У арыка,

Головного, знаемо...

Э-э, постой, брат, что со мной,

Не пугай, ребятушки,

Это же базар сенной!..

Ну а дом-то... Братушки!

Не похмелие – беда,

Не деньгу угробили,

Борода ты, борода, —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.